

ДНЕВНИК
РОМЫ
КРАВЧЕНКО-
БЕРЕЖНОГО

В оккупированном немцами западноукраинском Кременце, пряча блокнот на чердаке, скрывая его даже от родителей, Рома писал дневник, куда попадали подслушанные по уцелевшему приёмнику радиосводки с фронта и в котором велась хроника убийств: в городе организовывалось еврейское гетто. Роме в его 15 лет хотелось зарегистрировать все события, он чувствовал важность момента, дневник должен был быть не о личном. Но война не оставляла выбора. Фрида, еврейская девочка, школьная подруга... Её имя появляется всего в нескольких записях и потом исчезает, так же как исчезает с лица земли его первая любовь. Но её пепел всегда будет стучать в его сердце...

Дневник Романа Кравченко-Бережного был закончен за несколько месяцев до освобождения города. Рома ушёл в Красную армию. Чувствуя, что может погибнуть, сообщил домой, где спрятал дневник. Отец, бывший офицер царской армии, перелистав блокнот, найденный на чердаке, передал его Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений нацистов. В 1946 году его прислали родителям со следующим сопроводительным письмом: «Задержка с возвращением Вам дневника вызвана обстоятельствами, связанными с Нюрнбергским процессом. С благодарностью возвращаем дневник Вашего сына. Ответственный Секретарь Чрезвычайной Государственной Комиссии (П. Богоявленский)». Сам Роман Кравченко-Бережной в это время работал в Германии переводчиком, в том числе командировался в концлагерь Заксенхаузен, где собирал показания бывших заключённых и описывал вещественные доказательства: плошки с жиром из человеческих тел, аккуратно заполненные мешки с мукой из костей...

После возвращения домой Роман Александрович закончил физфак Львовского университета с красным дипломом и 33 года руководил лабораторией по исследованию физических свойств минералов в Кольском филиале Академии наук.

Пятьдесят лет, до смерти в 2011 году, прожил с женой Людмилой, которая помогала ему работать над дневниковыми записями, когда он решил положить их в основу собственной книги. Назвал её «Между белым и красным: стоп-кадры моего XX века».

11 июля 1941 г. Меня волнует много мыслей. Часто, лежа в постели, я подолгу не могу заснуть, все думаю. Да. Я имею счастье или несчастье жить в такое время, когда события не идут, а наступают одно за другим с молниеносной скоростью. Мы переживаем эпоху Наполеона, в гораздо большем масштабе. (...)

12 июля 1941 г. В течение двух дней Красная Армия сдерживала напор германских войск. Происходили упорные бои. Довольно долго войска держались на южном участке фронта, включая Кременец. Повидимому, тут был умный командир. Немцев несколько раз отбрасывали. Мы переживали хорошие деньки! Потом, окружаемые с севера, войска вынуждены были отступить. В ночь на 2 июля ушли предпоследние части, взорвав за собой шоссе. Последние части, для того чтобы пройти, должны были засыпать ров. Немцам взрыв ничуть не помешал. 1 июля мы простились с Советской властью.

Дальше буду писать завтра. Сейчас еще немного впечатлений от сегодняшнего дня. Утром пошел в город. По дороге видел, как воздвигали арку: «ES LEBE DIE UNBESIEGBARE DEUTSCHE ARMEE!» («Да здравствует непобедимая германская армия!»). Такую же арку возводили и для встречи большевиков и, возможно, те же энергичные «встречиватели». В воззваниях призывают помогать «фюреру» в его борьбе с «московскою навалою». Poczta pantoflowa доносит о занятии Киева, чему я, впрочем, не верю. Будущее покажет. В городе реквизированы все приемники, так что нельзя узнать никаких новостей, кроме базарных.

Вечером по улице гнали советских пленных. С ними обращаются хуже, чем со скотом. Избивают палками на глазах у населения. Вот тебе и «германская культура», «die Kultur!».

Кажется, все. Постскрипtum. Дневник приходится запрятывать поглубже. Теперь за этикие «вольнодумные мысли» грозит, чуть ли, не расстрел. Я его прячу под ящик, который приходится поднимать каждый раз с усилием. Если дневник найдут и прочтут эти строчки, то узнают, куда я его прятал. Философия!

13 июля 1941. Пошел утром в город. Зашел к Ф., вместе пошли к Лембергам. У них еще царит переполох после недавних погромов. Ф. пошла со мной к нам. Взяла несколько роз, но не осталась посидеть, потому что у них тоже переполох, и ее не хотят выпускать из дому. Ко мне она ходила «нелегально». Надо мной смеются мои «товарищи», что я хожу по улице с еврейкой. Теперь я, действительно, узнаю, кто мой товарищ, а

кто «товарищ». Пускай смеются, это свидетельствует только о них. Есть хорошая пословица: «Тот смеется хорошо, кто смеется последний». Недавно у меня был следующий разговор:

- Там твою симпатию, кажется, пристукнули.
- Нет.
- Нет? - с разочарованием. - Но ты уже не будешь с ней ходить?
- Буду. Почему мне с ней не ходить?
- А!

И «товарищ» ушел, не попрощавшись. (...)

17 июля 1941. Утром ходил к Ф. В городе висит распоряжение: всем евреям носить на рукаве белую повязку с шестиконечной звездой. Они превращаются в рабов Германии. Бедная Ф., что с ней будет?

...Страшно тяжело на душе. Это состояние не покидает меня ни на минуту. А что будет дальше? Националисты ведут себя скверно, похамски. Стоял в очереди за хлебом. «Милиция» (мне стыдно называть ее милицией - этих бандитов, у которых из-под куртки выглядывают ножи), не стесняясь, дает волю рукам. Когда смотришь на все это, подымается такая злоба, что вешал бы их всех своими руками. Очень тяжелое время. Переживем ли мы его? А как должны чувствовать себя евреи, Ф.? Она говорит, что хотела бы, чтобы ее убили. (...)

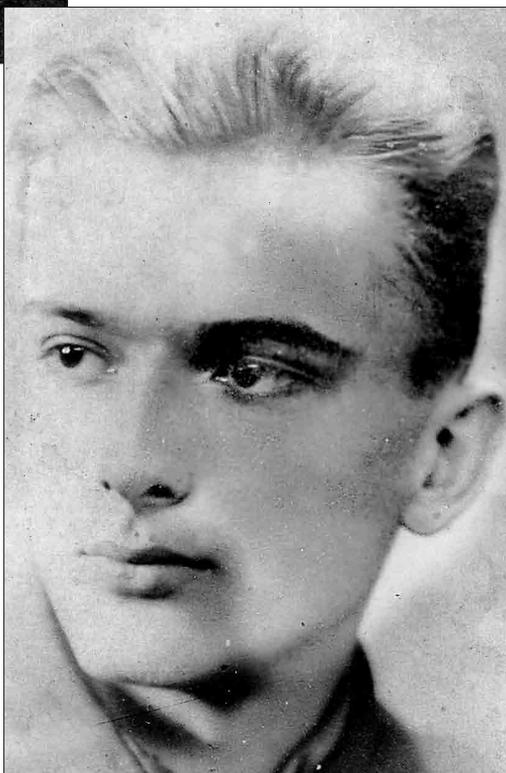
18 июля. Был в городе, видел Ф. Она стояла в очереди за хлебом. Она в последнее время очень плохо выглядит. Сказываются бессонные ночи, когда с минуты на минуту ждешь, что ворвутся националисты или немцы и начнут бесчинствовать. Бывали случаи, когда они ночью врвались в дом и требовали девушек. (...)

13-15 июля. 23-го была созвана в гестапо вся еврейская интеллигенция, их всех там задержали. Теперь часть выпущена, часть расстреляна. В общем, уже арестованы в Кременце более 600 человек. (...) Еще одно. Глава «украинского правительства» - знаменитый Бандера, убийца, арестован за выпущенный им «манифест», в котором имя Гитлера стояло после его, Бандеры... Вот вам и «вильна Украина». (...)

2 августа. Вчера вышел номер новой газеты. Она называется «Крем'янецький вісник», но кременецких вестей в ней как кот заплакал. Вообще, все, что написано там, можно было предугадать, даже не дотрагиваясь до нее: вся газета занята описанием «більшовицьких мордів», похвалами Гитлеру в компании. С фронта - ни одного слова. Это неудивительно: нельзя же писать об отступлении или неудачах.

На этом фотоROME Кравченко
9 лет. На шапочке - любимая
его отцом георгиевская лента.

А на этом - 16. И будто пропасть
между ними. Родной город занят
фашистами, любимая девочка
заключена в гетто, оттуда увезена
на расстрел. На его, Ромкиных,
глазах...

Фото на странице - из книги «Между белым
и красным: стоп-кадры моего 20 века».

Сейчас, когда пишу, слышен отдаленный гул канонады...

Морди - расстрелы в первые дни войны. Когда увели отца и Ростислава. (...)

Весь день сижу дома, читаю Твена. У него есть очень хорошие сатирические рассказы. Так зачитываюсь, что болят глаза.

3 августа. Бои идут, по-видимому, в районе Шумска, стрельба доносится оттуда. Кроме того, оттуда привезли нескольких крестьян, раненных снарядами. Но против этого говорит совершенно спокойствие в городе. Немцы устраиваются здесь надолго. Своят мебель с баз, реквизируют нужные им вещи у населения. (...)

Прочел внимательно распоряжение о нормировке выдачи продуктов. Сначала продукты будут получать христиане, потом евреи. Судя по распоряжению, они будут получать достаточно, однако есть оговорка, а именно: в случае нехватки продуктов за распоряжающимися остается право изменить нормы. Ясно, что не хватать будет евреям, так как они будут получать последними. Им нечего надеяться на 300 гр. хлеба в день. (...)

4-6 августа. Свершилось великое событие: сегодня, во втором номере «Крем'янецького вісника» опубликована сводка германского командования. Она датирована 28 и 29 июля. Судя по ней, «більшовики дожидаюсь своєї заглади». Так-таки стоят и «дожидаются своей гибели». Буду вырезать сводки, касающиеся положения на фронте, и вклеивать их сюда. Когда-нибудь разберемся, а пока надо копить материал... (...)

17 августа. Никаких новостей, это меня опять вгоняет в отчаяние. Достал газету за девятое. (...) Зато второе сообщение курьезно. Оно озаглавлено: «Син Сталіна у полоні». Суть статьи видна из заглавия, нет надобности ее переводить. (...)

21 августа. Теперь самая важная новость: мероприятие № 2 против евреев. Вывешено объявление на еврейском и немецком языках, следующего содержания: с 20 августа евреям запрещается ходить по тротуарам, по причине большого движения. Для них достаточно мостовой. Дальше. Если еврей встречает на своем пути немца, он должен его обходить на расстоянии 4-х метров. Если это распоряжение будет нарушено, то при первом случае еврейская община обязана будет уплатить 10000 рублей. При повторном нарушении все евреи подвергнутся выселению из города. Не будем это наказание комментировать, и так все ясно. (...)

25 августа. Тревожные дни настали. Позавчера ночью в Шумске

высадились 240 парашютистов. Объявлено угрожаемое положение. 14 схватили, будут вешать. Остальные натворят дел. Но это еще не все. Вчера парашютисты высадились рядом, в Смыге, а сегодня двух парашютистов арестовали в Кременце...

Вчера появился новый «эдикт» против евреев. Сдать все ценности: золото и вообще. Можно только оставить обручальные кольца (не уверен, носят ли евреи обручальные кольца?). В общем, кременецкие евреи должны сдать 8 кг золота. Пополнить золотой фонд Германии.

Еще одна новость: нам возвратили радиоприемник. Не наш, конечно, и такой дрянной, что не ловит даже Москву и Киев. Ну, пока все. Что день грядущий нам готовит? (...)

1 сентября. (...) Поймал Москву, слушал передачу для школьников. Там сегодня, несмотря на продвигающегося врага, начался новый учебный год: все течет нормально. Слушал последние известия. Армия отступает, но как дорого это стоит немцам! За 29.8 сбито 125 немецких самолетов, большевики потеряли 24. Народ сопротивляется героически. Много сотен тысяч положит там Гитлер своих солдат, и еще далеко не известно, каков будет конец войны. О, нет! Уверен, мы еще проживем. Потому что положение, в каком мы находимся сейчас, нельзя назвать жизнью. (...)

4 сентября. Еще о радио: его забирают. Сегодня вывешен приказ - сдать все радиоаппараты. В случае неисполнения - смертная казнь. Срок - до 10 числа. Хорошо и то, денька два еще послушаем, а потом придется сдать. И второй приказ. Сдать до 10-го все оружие и военные материалы. В случае неисполнения - смерть. Это, по-видимому, на них действуют партизаны. Их развелось до гибели по всем лесам. Вооружены пулеметами, гранатами, мешают немцам спать. Они и сердятся. А у меня в погребе пулемет и два противотанковых орудия! Придется отвезти. А на карандаше - наконечник из винтовочной гильзы. Придется закопать, не то расстреляют невинную душу. (...)

20 сентября. Немцы заняли Киев и Полтаву - такие объявления висят сегодня в городе. По этому случаю в соборе будут служить молебен. Черт бы их всех побрал. Передушил бы их всех, попов и остальных, с сердечным наслаждением. Сволочи! (...)

29 сентября. (...) 27-го введены новые «знаки отличия» для евреев: желтые круги диаметром в 10 см на груди и спине. Вид препротивный. Что будет дальше, и чем это все кончится? (...)

30 сентября. Сегодня видел картинку, которая теперь - обыденное событие. На базар во время торговли нахлынули бандиты из «милиции». Христианам приказали разойтись, евреев хватали, искали у них масло, яйца, запрещенные продукты. Удирающих ловили и зверски избивали. Дикая беготня по Широкой, крики, улюлюканье. Это называется «ревизия». (...)

7 октября. (...) К школе понемногу привыкаю. Нашел в классе пару бывших русских, теперь они украинцы. Русскими они были при Советской власти, когда ко всем национальностям было одинаковое отношение. С этими русскими-украинцами надо быть осторожным: если было легко переменить национальность, нетрудно будет сбегать в случае чего и в гестапо. (...)

12 октября. Позавчера «заболел» и пошел в кино, на первые места, за 5 рублей. Потом горько раскаивался. Фильм - непобедимая германская армия и так далее. Больше в кино ходить не намерен, но болеть почаше - да. (...) Достал газету. Интересны новые «прогрессивные» распоряжения комиссара. Запрещается продажа картошки. Кто бы подумал, что дойдет до такой нищеты. Вторым распоряжением приказывается до 14-го удалить со стен домов, заборов и т. д. все объявления, изданные не комиссаром. Также запрещается и впредь писать какие бы то ни было объявления без разрешения комиссара. Новая пощечина господам националистам.

16 октября. Хотя, если надеяться на зиму и на бесконечные русские просторы, дело представляется в несколько ином свете. Но... Везде это «но». Если предположить, что немцы дойдут до Урала и война этим или еще до этого - с занятием Москвы - не закончится, немцы не рискнут сунуться в Сибирь зимой. Может произойти то, что лежит в планах Германии, а именно: Германия до Урала и Россия за Уралом. Но в планах Японии - Япония до Урала. А где же Россия? Все это, если предположить, что война закончится победой Германии. Пока зима далеко, погода стоит сухая, а мне охота застрелиться. Жаль, нет ничего вроде револьвера.

Это я пишу так, сам не знаю зачем. Но если бы пришлось умирать и я знал, что в Европе, по крайней мере пару десятков лет, будет «национал-социализм», я бы своей жизни не пожалел ни капельки.

Я видел германские открытки с картой Европы, на которой Германия располагается до Урала; знаю немецкую песню» Дойчланд, Дойч-

ланд юбер аллес!» и знаю, что Гитлер никогда не отказывается от своих намерений. И не знаю, чего ждут от Гитлера господа местные националисты. Среди них нет, кажется, ни одного человека с мозгами. Они верят Гитлеру как богу. Не знают, дураки, что у него язык без костей и то, что он произносит в своих речах, принимают за чистую монету.

Хотя то же самое и господа российские националисты. Вот как они представляют себе будущее: война кончается, немцы воздвигают на трон Российской империи какого-нибудь Романова (из немцев) и великодушно оставляют Россию. Начинается «возрождение»: культурная и церковная жизнь бьет ключом, «мчится тройка удалая» и т. д. Идиоты...

10 ноября. Иду в школу. Навстречу - вооруженная группа, впереди - четверо из гестапо, за ними - наши гайдамаки. Это удивило: подобные шествия мне до сих пор не встречались. Высидел в школе положенное время, возвращаюсь домой, в животе - похоронный марш: 250 гр. хлеба и прочее. И вот, на Широкое - обилие гайдамаков, а перед домами, где звезда, кроме гайдамака еще и воз стоит. С добром: перины, подушки, чемоданы, всякое барахло. Ничего не понимаю.

Прихожу домой, и тут меня, или мою шинель и сапоги, встречают как вставших из гроба. Оказывается, в городе «чистят» евреев, чтобы они не очень обживались. Роль гайдамаков - лакействовать, присматривать, чтобы германское государственное добро (еврейское добро) не пропадало. Войдя в азарт, они сняли на улице с нескольких человек сапоги, какие получше. Вот почему меня так радостно встречали целым и невредимым. (...)

18 ноября. (...) Один наш знакомый явился вчера из Киева. Рассказывает, что Киев, в общем, пострадал мало, но страдает теперь. На четвертый день после вступления немцев стал рваться Крещатик, дом за домом. Погибла масса немцев... Чтобы тушить горящие дома, проложили трубу к Днепру, водопровод не работает. Неизвестные перерезали трубу в четырех местах. В ответ немцы перебили 170 000 - сто семьдесят тысяч - евреев... взрывы и пожары продолжаются по сей день.

Наш знакомый рассказывал, что немцы подошли уже к минным полям, окружающим Москву. По их словам, Москва защищена такими укреплениями, каких им еще не приходилось видеть...

Еще, с его же слов, о событиях в Ровно. Там уничтожили семь тысяч евреев. Приказав взять все ценное, их всех погнали за город, велели раздеваться догола и, отводя к приготовленным уже ямам, бросали вниз,

забрасывая гранатами и расстреливая из пулеметов. Земля, которой засыпали ямы, долго еще шевелилась.

22 ноября. А нашу школу прихлопнули. Распоряжение комиссара мотивируется тем, что распространяются тиф и другие болезни. Обещают открыть школы весной. Посмотрим. А пока что я - безработный элемент. В местных «кругах» царит гробовое настроение... Больше писать не могу, тут на чердаке чертовски холодно. (...)

5 декабря. Позавчера было опубликовано воззвание гебитскомиссара, в котором он объявляет, что «вынужден был издать в Почаевском районе строгий, но справедливый приговор», в результате чего 80 человек расстреляны за коммунистическую деятельность. Сегодня в городе висят огромные объявления приблизительно такого содержания: «Кто выдаст врага или вредителя германского народного хозяйства, врага Украины (при чем тут Украина, не знаю), тот будет награжден премией в 1000 рублей; премия может быть по желанию выдана натурой. Фамилия осведомителя будет сохранена в глубочайшей тайне». Знают, как обращаться с местным гадом. Такой готов за килограмм сахара родного отца выдать. (...)

22 декабря. Положение изменилось. Некоторые паникеры, те меняют марки на рубли. Немцев опять колотит на фронте. Даже наша газетка, до чего паршивая, и то поместила сообщение, что, мол, по причине сильных морозов командованию пришлось изменить тактику ведения войны и в некоторых местах **ВЫРОВНЯТЬ ФРОНТ**. По слухам, отбиты Харьков, Орел, Курск и многие другие города, но я этому не особенно верю. Идут сильные бои под Севастополем... (...)

12 января, 1942. Вчера в газете были новые распоряжения самого рейхкомиссара Коха. Ходить можно только до восьми, на час меньше. Распоряжения о диверсантах, спрятанном оружии, о советских военнопленных - выдавать, если совершают побег.

После «сбора теплых вещей» кременецкие немцы ходят в валенках. Советских. Меня холера берет при виде этого... (...)

21 января. Улицы, которые с приходом немцев получили названия Мазепы, Петлюры, Богуна и пр., с сегодняшнего дня все переименованы в немецкие - Риттерштрассе и т. д. Представляю себе настроение господ «патриотов» и прихожу в умиление. (...)

По-моему, теперь 80% населения - за Советскую власть. Удивительно быстро у него меняются убеждения. (...)

31 января. У нашего комиссара - гости из центра. По этому поводу он вчера устраивал бал. А вообще - ГЕТТО. Евреям отдан приказ очистить 10 улиц, на которых живут немцы. Это - до 14-го. А в течение следующих 6 недель в городе будет организовано закрытое гетто. В город противно выйти. Картины, какие не повторяются. Люди молча оставляют свое добро. Для них выделены самые грязные, густо заселенные улицы. В городе 10 тысяч евреев. Если всех их упаковать в эти улочки, то одно можно сказать наверное: тиф. В городе запрещены всякие торги по причине тифа. А где он - черт его знает. Это, по-видимому, удобная для немцев штука, на нее можно все сваливать. (...)

13 февраля. В связи с гетто все евреи должны побрить головы, а женщины - постричь по мужски. Представляю, какво расставаться с бородой ветхозаветному раввину... Вчера наблюдал у парикмахера тяжелую картину: туда пришла очень интеллигентного вида еврейка с чудной густой косой. Когда парикмахер отрезал ее, с женщиной произошла истерика. И еще. Еврейские девушки «на гвалт» выходят замуж: комиссар потребовал от еврейской общины поставить для немецкого публичного дома 60 девушек. Пока есть двадцать, остальные повыходили замуж. (...)

22 февраля. Пишу в кровати, ночью, другого подходящего времени нет: с 16-го числа работаю на фабрике гребешков. Работа очень противная, пыль такая, что, выйдя оттуда, я похож на пекарского помощника. Кроме того, ужасный визг и шум. Впрочем, ничего, выдержу. (...)

Наша бывшая Широкая, потом Мазепы и теперь Риттерштрассе принимает необычный вид, одна ее сторона отходит к гетто, там ограживают все улицы и переулки заборами, забивают досками все окна и двери... Одна сторона улицы живая, рестораны, милиция пьяная шумит, другая - забитая, мертвая, отвратительная. И есть люди, которые радуются этому новому облику города. Гетто огораживают со всех сторон, вход будет, кажется, только со стороны сгоревшей синагоги.

И еще о публичном доме: так и открутились, это обошлось в 60 000 рублей, по тысяче за каждую. (...)

12 марта. (...) «Милиция» облегчила все комиссионные, которых за последнее время развелось без счета, от всего товара, частично - от стекол и прочего.

Все переулки, ведущие к Риттерштрассе, перегорожены рогатками. У въездов в город тоже поставлены рогатки. Скоро, по-видимому, станут возводить вокруг города стену, что-то вроде укрепленной линии,

снабженной дотами, для защиты мирного населения от... жизни. Они, видите ли, заботятся, чтобы мы могли спокойно сдохнуть с голоду. (...)

28 апреля. Такие дела у нас тут, боюсь нос из дому высунуть. Наш директор ходил в «арбайтсамт» узнать относительно школьников. Ему, конечно, ответили, что школьников брать на работы не будут, можно не беспокоиться и т. д. Это была правда, на тот день.

В село приходит приказ (пример Куликов, сведения из надежного источника) представить 45 добровольцев на выезд на работы в Германию. Собирают сход, назначают 45 человек, в селе подымается невообразимый вой: «избранных» готовят к отъезду. Это - в селе. В городе ходили в тот день только слухи. Но вот картина, свидетелем которой я был вчера. Большая партия евреев под эскортом «архангелов» возвращается с работы, человек четыреста. У входа в гетто их задерживает «милиция» во главе с жандармом в каске. Жандарм с проклятиями выволакивает из толпы десять жертв. Крики, шум. Жертв окружает «милиция» и уводит. Вот и все. Они не вернутся. Вчерашней ночью из гетто забрали триста человек, их тоже вывезли. Эти события вызвали такую панику, что остальные, отработав свое время, остались на предприятиях ночевать, боясь возвращаться домой.

Но это не все. Известно, что немцы, испытав какое-нибудь новшество на евреях, немедля переходят и на «свободное» население. Это началось сегодня. В Кременце была ремесленная школа, там учились щенки, не окончившие 5 классов. Так вот сегодня всю школу в полном составе погрузили в машины и увезли. Моторизация. Жду нашей очереди. (...)

5 мая. Город постепенно успокаивается после пережитых страхов, набор переходит в более спокойную и организованную форму, на улице людей не трогают. Результаты «добровольного выезда»: вывезены все шоферы, каменщики, столяры, вообще ремесленники. Большое число евреев...

На нашу компанию в школе, по-видимому, имеется серьезный донос, чуть ли не в организации антигосударственных кружков. Узнал об этом от моего учителя, поляка Бопре. Обещал держать в строжайшей тайне, но думаю, что в дневник записать можно. Ведь если он попадет в нежелательные руки, в нем и так материала достаточно, чтобы отправиться в стратосферу. (...)

26 мая. (...) Из Кременца несколько дней назад ушел еще один, са-

мый большой эшелон с рабочими. Вот что рассказывают некоторые из мобилизованных, которым удалось улизнуть раньше. В первый день их кормили сносно: выдали хлеба и колбасы, но так было только в первый день. Но вот эшелон останавливается на какой-нибудь захолустной станции в Германии, на перроне стоят крестьянки, они выбирают себе рабочих. Их выводят из вагона, выстраивают, и начинается осмотр: их щупают, месят, заглядывают им в зубы. Если скотина (рабочий) отвечает требованиям, ее (его) увозят. Это смахивает на торги невольниками в древние века. Да и вообще вся эта воспетая немецкая культура, на которой теперь строится «Новая Европа», сильно смахивает на Средневековье. Нет Святейшей инквизиции, но есть гестапо, СС и прочие учреждения. (...)

5 июня 1942 года. Вчера мне стукнуло 16. Не нашел нужным отмечать этот факт, настолько сереньким он мне показался на этот раз. Вот в прошлом году он действительно был радостным: я надеялся, мечтал... А теперь? О чем я могу мечтать теперь? О 200 гр. хлеба вместо 150, выше мои мечты залететь не могут, их назовут сумасшествием. Тогда было светло, ясно на душе: вот окончены испытания, а впереди еще длинное лето со всеми его удовольствиями и радостями. Мечты залетали высоко: закончу десятилетку, поступлю в высшую школу, буду работать во имя какого-то идеала. Все это рухнуло с треском в течение нескольких дней, да еще с каким треском! (...)

2 июля. Сегодня годовщина со дня вступления немцев в Кременец. Самый тяжелый год моей недолгой жизни.

Помню как сейчас. Жаркий, душный день. После взрыва фугаса на Широкой, наступившего в полночь, необычайная тишина. Часов в одиннадцать утра с улицы доносится треск мотоциклов, потом опять тишина. Но все уже ясно, и так тяжело становится на душе, невыносимо тяжело: ведь все потеряно, кончена жизнь.

На улице - стук тяжелых сапог, а потом - шум приближающегося обоза. Подымаюсь на пригорок: по улице в два ряда едут повозки. Огромные кони, белобрысые люди в незнакомых серых мундирах. Стоит говор, чужой, непонятный. Солдаты смотрят исподлобья, недоверчиво.

Непрерывное движение в два ряда продолжалось еще много дней. Становится ясно, почему они победили: движение советских войск продолжалось день-два, потом улица вымерла. Ясно, что в начале войны

на стороне немцев был не только качественный, но и количественный перевес. Ну, хватит.

В обращение введены новые деньги - 10, 20, 50 и 100 «карбованців». Деньги напечатаны на немецком и украинском языках. (...)

Сегодня над городом на большой высоте, за тучами, шел самолет. Он блеснул только раз на солнце, и мое сердце подпрыгнуло: он блеснул серебром! Немецкие самолеты все окрашены в темные цвета, этот был серебряный, значит - советский, свой! Да и с какой стати немецкий прятался бы за тучи, значит ясно - свой. (Может, и не был свой, но я себя уверил, и мне радостно.) (...)

20 июля. Опять начинается нажим на евреев. Им приказали выдать из своей среды 300 коммунистов. Кажется, все это кончится так, как в Ровно, где в настоящее время евреев нет совершенно, если не считать нескольких десятков специалистов, которых до поры до времени пощадили.

27 июля. (...) Местные события концентрируются в последние дни вокруг еврейского вопроса. Евреев преследуют все больше, в гетто паника, ожидают погрома. Сегодня ночью застрелили двух евреев, которые пытались пробраться в гетто, они пропадали где-то в поисках продуктов. Невозможно описать все злодеяния, которые немцы совершают в отношении евреев.

Вчера было воскресенье, отправился на речку. Там собралось блестящее общество: офицеры, сам заместитель гебитскомиссара с любовницей, пивом и патефоном. Точно было смотреть, как они себя вели. Дамочка переодевается в купальный костюм. Не подумайте, что она с этой целью пошла хотя бы в кусты. Она переодевается при всех. «Муж» прикрывает ее накидкой, оставив щелочку для себя, да такую изрядную, что половина пляжа имела возможность насладиться созерцанием. Но когда раздевался сам, его никто не прикрывал. Сняв все, он еще понежился слегка на солнышке. В этом - вся их «культура». (...)

30 июля. Теперь - источники неофициальные: опять о партизанах и парашютистах, сообщение из Луцка. Как результат хлебной политики, которую проводят немцы, масса крестьян, особенно - молодежи, уходит в леса и начинает борьбу с немцами. Совершают нападения на мельницы, на обозы с хлебом. Опять усилилась деятельность парашютистов. (...)

6 августа. С сегодняшнего дня закрываются магазины, в которых

выдавали хлеб, теперь им делать нечего. Будут выдавать муку, только работающим.

Несколько дней назад в городе гостило проездом гестапо. Посещение ознаменовалось тем, что вывели в расход в тюрьме 150 человек. Думать ни о чем не хочется. Записываю факты, и все. Если начнешь думать, можно свихнуться, а я еще хочу жить. (...)

8 августа. В городе ожидается еврейский погром. Все данные говорят за то, что он должен произойти в ближайшее время. В городе имеется 6 грузовиков, принадлежащих гебитскомиссару. На них устроили высокие загородки из досок. В городе опять появилось гестапо; они одолжили на предприятиях около сотни заступов и лопат. Ясно?

Вечером. Объявлено что-то вроде осадного положения. Ходить можно только до шести.

Днем был в городе. По нашей главной улице Широкой - Риттерштрассе ходить нельзя, там масса милиции. Они стреляют, если в гетто кто-нибудь выглянет в окно или появится на улице... По некоторым сведениям, утром вывезли около тысячи пятисот человек - врачей, инженеров, ремесленников. По-видимому, вывезли тех, кого не будут расстреливать. Говорят, в гетто есть оружие, оттуда отстреливались, даже будто бы убили жандарма. Жаль, что только одного.

Стрельба, замолкшая днем, сейчас опять усилилась. Что будет ночью?

Эта сволочь имеет наглость называть себя христианами, у них даже на поясной пряжке надпись «Gott mit uns» - «С нами Бог». Если он есть, то хорош же бог, который смотрит на все это спокойно.

Слышен пулемет. Что должны чувствовать люди, обреченные на смерть, забившиеся по углам своих домов? Жуткая тишина. Ясно доносятся пощелкивание револьверов, короткие пулеметные очереди и тяжелые удары шуцмановских винтовок. Предстоит тяжелая ночь. Если они решили защищаться, это может продолжаться и целую неделю: попробуй повытаскивай их из всех погребов в этом грязном, в закоулках, квартале.

Тетрадь кладу под подушку, буду писать ночью, не хочу пропускать ничего. Может быть, когда-нибудь и мои записки послужат уликой на суде над этими извергами и над их вождем Гитлером - «освободителем».

11 августа. Последний акт трагедии в нашем городе подходит к концу. Пишу о вчерашних событиях. Вчера не мог, не был в силах.

За вчерашний день расстреляны около пяти тысяч человек. У нас за городом - старый окоп, длиной около километра. Окоп Якутского полка, стоявшего в нашем городке при царе. Там производят экзекуцию. Вывоз из гетто начался приблизительно в три часа утра и продолжался до поздней ночи.

Ужасное зрелище! Ворота гетто широко открыты, и за ними - очередь обреченных, по двое в ряд. Подъезжает автомобиль, очередь в молчании подвигается, первые пары укладываются на дно грузовика, следующие - на них, так - в несколько слоев. Полное молчание - ни говора, ни крика, ни плача. Пьяные в стельку шуцманы подгоняют отстающих прикладами, ими же утрамбовывают лежащих в грузовике. Грузовик отъезжает, дает газ и мчится за город.

Навстречу едут такие же грузовики с высокими дощатыми бортами, наполненные одеждой. На ней сидит «милиционер», с довольным видом играет дамским зонтиком. Вид у него довольный недаром: полные карманы часов, пять вечных перьев, несколько костюмов и каракулевого пальто он оставил по дороге в верном месте. Кроме того, он выпил уже по крайней мере литр.

Грузовик мчится за город. Четыре шуцмана, стоящие по углам, то и дело матерятся и опускают приклады на спины лежащих.

И вот место назначения. Грузовик останавливается, обреченные сходят, раздеваются тут же, мужчины и женщины, и по одному движутся ко рву. Ров наполнен телами людей, пересыпанными хлорной известью. На валу сидят два раздетых по пояс гестаповца, в руках пистолеты. Люди спускаются в ров, укладываются на трупы. Раздаются выстрелы. Конечно. Следующие!

Не знаю, что может чувствовать человек в свою последнюю минуту, не хочу думать, можно сойти с ума.

Были такие, кто пробовал сопротивляться, не хотел раздеваться, не хотел входить в ров. С ними кончали на месте и сбрасывали в яму.

Видели человека, который, направляясь к яме, жевал хлеб.

Милиционеры, единственные непосредственные свидетели всего этого, после нескольких минут пребывания там трезвеют. Их заряжают новой порцией алкоголя. Гестаповцам заряжаться не надо. Им это не впервой.

Они забрасывали еще живых людей гранатами в ямах в Ровно и наблюдали потом, как земля двигалась под напором шевелящихся тел, это

на них не действовало. Они расстреливали бесконечные ряды людей, выстроенных над дорожными рвами в Киеве. Они перед погромом в Дубно отделили всех специалистов, предложили им выбрать по одному ребенку из своих детей и возмущались, впадали в бешенство, когда эти несчастные отказывались работать, прося, чтобы их расстреляли вместе с семьями.

Один за другим едут автомобили. Уже вечер, они не так наполнены - на дне сидят женщины, девушки, дети. Одна бессмысленно улыбается. Другая поправляет платочек на голове. Да вы же через десять минут будете убиты, поймите это, сопротивляйтесь, наконец!!! Нет.

Люди в апатии, лишь бы скорее кончилось, лишь бы скорей. Так действуют голод, побои.

Вот едет Арек З., мой приятель. Сидит с края, голова опущена за борт машины, он смотрит на камни мостовой, мелькающие под колесами. Каждый камень - ближе к цели, ближе к концу жизни человека, не видевшего еще жизни. Я не забуду его лицо, лицо человека, который знает, что через несколько минут будет мертв, а через час его тело, разъедаемое хлоркой, будет покрыто еще несколькими слоями тел. Надо быть в положении этих людей, чтобы перечувствовать все то, что чувствовали они, по крайней мере те из них, кто мог еще думать и чувствовать. (...)

Кошмар подходит к концу. Еще нельзя ходить по Широкой, еще раздаются отдельные выстрелы и по улице за город мчатся отдельные машины. Вывозят и расстреливают последних, тех, кто прятался в подвалах, надеясь этим спасти жизнь. Они выиграют только в том, что их тела будут лежать сверху. Теперь в гетто идет самый разнузданный грабеж. Грабит «милиция», грабят под ее покровительством все, кому не лень. Пройдет несколько дней, приступят к разрушению гетто. Через несколько месяцев на месте, где жили и волновались семь тысяч человек, будет ровная площадь.

Вчера уничтожили евреев в Бережцах. Сегодня гестапо уехало в Почаев и Вишневец. Там сегодня происходит то же, что у нас - вчера.

14 августа. С 10-го числа по сегодняшний день расстрелов не было, потому что главные палачи - гестаповцы - ездили по району.

Вчера вечером они вернулись в город. Поэтому сегодняшний день ознаменовали расстрелом еще тысячи пятисот человек. Их за эти три дня понаходили, они прятались в погребах. Как только наступала темнота, подымалась стрельба: эти несчастные, пользуясь темнотой, пыта-

лись бежать. Всех их стреляют. В городе, напротив гетто, резкий трупный запах. Ужасно. Вчера и позавчера ночью стрельба продолжалась по два часа беспрерывно, совсем как в июне прошлого года.

Рассказывают о происходящем в гетто. Вырыта яма. Над нею стоит жандарм и жрет булку. Подходят с носилками, в них раненый. Жандарм спокойно продолжает разговор с каким-то знакомым, вынимает револьвер, стреляет раненому в голову; его сбрасывают в яму, подносят другого, повторяется то же и т. д. Мирная картина! На земле валяются зажигалки, серебряные ложки, на них никто не обращает внимания. Милиция столько всего набрала, что при всем желании больше ничего никуда не засунешь. Поэтому теперь появилось объявление, что за грабеж в гетто будет смертная казнь.

Многие пытались бежать. Еще сегодня лежат на улице три трупа, никто их не убирает. Женщину, которая спряталась на еврейском кладбище, выдали дети... она спала. До чего могут дойти люди, видевшие кровь.

Сегодня, по-видимому, все кончится. (...)

19 августа. Сегодня везли Ф.

Не могу отдать себе отчета в моих чувствах. Очень тяжело, стыдно. За людей, которые смотрят на это с безразличием или злорадством. «Что, он жалеет жидов? Идиот!»

Чем Ф. хуже вас? Да она в десять раз превосходит тебя, одного с другим, во всех отношениях! Единственная девочка, с которой я был всегда искренен, а так отрадно иметь друга, который понимает тебя и соглашается с тобой. Она была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя, с гордо поднятой головой.

Это было полчаса назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года - я уверен, она, и умирая, не опустит голову.

Ф., знай, я помню тебя и не забуду и когда-нибудь отомщу!

Моя «первая любовь», оставившая по себе самые чистые воспоминания. Она была моим идеалом. (...)

Когда пишу, из тюрьмы доносятся выстрелы. Вот опять! Может быть, он был предназначен Ф.? В таком случае, ей теперь лучше. Нет, ей теперь никак.

Не могу представить: Ф., раздетая, тело засыпано хлоркой. Раны. Привалена кучей таких же тел. Ужас, какой ужас. (...)

21 августа, 1942. Вчера расстреляли всех, кого накопили в тюрьме.

Судить о числе расстрелянных можно только по тому, что после окончания экзекуции из тюрьмы везли пятитонку обуви, машина была заполнена до краев. Значит, вчера погибла Ф. (...)

31 августа. Был у тех окопов, где зарыты большинство расстрелянных. Это место представляет собою теперь гладкую белую площадь, белую, потому что там мел. Стоят жаркие дни, трупы разлагаются, пухнут, на поверхности появляются ноги, руки, их растаскивают по окрестностям собаки. Запах ужасный...

2 сентября. Сегодня ночью подожгли гетто. К трем часам там сгорело около четырехсот домов, не осталось и четверти. (...) Поджог, совершенный, несомненно, жителями гетто, был точно обдуман, погода сегодня самая соответствующая. (...)

Ну и времена настали, не повторятся больше такие. Надо все записывать, не то еще, пожалуй, вспомнишь когда-нибудь - не поверишь. (...)

7 сентября. Опять стреляют. И где только их берут? Говорят, уже расстреляли на четыре тысячи человек больше, чем было зарегистрировано, т. е. около двенадцати тысяч. Их находят в огромных погребках, которые представляют целую систему и куда милиция боится спускаться. (...)

Бои в районе Сталинграда, в двадцати пяти километрах от города, в окрестностях, в предместьях! Неужели они возьмут Сталинград? Может быть, он уже в немецких руках? Горит степь. Но даже огонь не может их остановить. Да что это за сила? Неужели они действительно непобедимы? Героизм красноармейцев доходит до того, что они не перестают стрелять даже когда одежда уже горит на них. Борются патриоты, они знают, за что сгорают заживо. Куда до этого мне и мне подобным! (...)

21 сентября. Больше полутора месяцев продолжается избиение евреев. Сегодня опять с самого утра со стороны тюрьмы доносятся стук автомата и ружейные выстрелы. Говорят, в тюрьме осталось еще около двухсот человек, специалистов-ремесленников. (...)

Как известно, Беларусь является теперь центром партизанского движения. О нем ходят самые фантастические рассказы. Говорят, на днях по всем селам были расклеены объявления о мобилизации, подписанные... Совнаркомом СССР! Партизаны занимают там целые села, вооружены даже бронемашинами, к ним свободно прилетают самолеты с боеприпасами, в общем, все происходит вполне организованно. Там даже, наверно, есть соцсоревнование... (...)

12 октября. Недавно была объявлена мобилизация на работы в Германию. Проведена она преимущественно среди сельской молодежи, и вот каковы ее результаты и последствия: молодежь скрывается в лесах, присоединяется к партизанам. В Германию никто не едет. Но последствия трудно описать. В села, не доставившие назначенного числа людей, приезжают ландвирты (дословный перевод - хозяева земли (русской) с карательными отрядами. Придя в село и не найдя там никого, достойного внимания, они забирают все достойное внимания, а село поджигают. (...)

20 октября. (...) В последнее время резко сократилось число писем от высланных в Германию. Последние письма очень похожи по тексту: «больше писем от меня не ждите, увидите со мной тогда, когда с дедушкой и бабушкой». А дедушка и бабушка уже давно «в раю». Люди, возвращающиеся оттуда - убежавшие или отосланные по болезни (тем особенно повезло), - рассказывают ужасы: рабочие мрут от голода. Надо надеяться, что мир узнает когда-нибудь об этих злодеяниях и злодеи понесут заслуженное наказание.

22 октября. Работаю на фабрике, зарегистрирован в арбайтсамте, имею «аусвайс», казалось бы - все в порядке, но все равно трясусь. Узнал, что для всей нашей школы приготовлены карточки, их будут рассылать на днях. Так что настроение собачье. Такая карточка - все равно, что смертный приговор. (...)

26 октября. Сегодня открыли продажу «мануфактуры», т. е. одежды убитых евреев. И есть люди, которые могут это покупать! Даже много, в очереди стояли... (...)

20 февраля 1943 г. Сегодня в три часа ночи отряд хорошо вооруженных людей, приехавших верхом и на велосипедах, совершил нападение на тюрьму. Предварительно они перерезали провода, расставили патрули с пулеметами. По улице в это время ехали телеги с огромными бревнами, везли поставки на станции. Телеги остановили, бревна бросили поперек мостовой. Охрану у ворот моментально и без шума разоружили, часть людей вошла в тюрьму, ворота заперли, и все приняло внешне обыденный вид. Отдыхающую смену шуцманов захватили врасплох, всех их заперли в одной камере. Заключенных отводили к задней стене тюрьмы, где приставили лестницу. Оттуда спрыгивали на растянутый снаружи брезент. Вот и все.

Теперь об этих партизанах. По рассказам, люди были одеты в оди-

наковые шинели (ночью всякая одежда может показаться одинаковой) и говорили по-русски. Большинство считает, что это были советские партизаны. (...)

23 февраля. В городе аресты и в связи с этим - в высшей степени напряженное состояние. Люди, которых взяли сегодня, ничего общего между собой не имеют. Среди них совершенно разные по положению, поведению и убеждениям лица. Напряжение усиливается еще и известием, что вчера в тюрьме рыли ямы...

24 февраля. Все арестованные, их было до 60 человек, вчера вечером расстреляны. Казнь проводилась на тюремном дворе, операцию видели жители соседних домов. Арестованных заставили раздеться, как это было и при убийстве евреев. Среди обреченных было несколько женщин. Был доктор Р. с женой, она - тоже врач. Ее тоже заставили раздеться. Доктор кинулся на гестаповца, вырвал у него револьвер, ударил рукояткой по голове, но в это время другой гестаповец уложил его выстрелом в спину. Во время расстрела раздавались страшные крики.

Город удручен. На улице ни души, ни одна щель не просвечивает. Все ждут: вот - моя очередь... Все теперь, даже самые ярые враги, питаются единственной надеждой - дожидаться прихода большевиков. Большевики - избавители. Но как дожить? Ведь с приближением фронта зверства будут усиливаться. Рассказывают, что там, откуда немцы отступают, не остается живой души. И мы не будем исключением. (...)

10 марта. На днях вывезли всех обитателей дома инвалидов, стариков и калек. Утром, еще до рассвета, приехали машины, всех погрузили и увезли. По слухам, все они убиты. С немецкой точки зрения вполне правильная мера: ведь они даром ели хлеб. (...)

Ну, и настроеньище, я вам скажу, уважаемые граждане! А ведь я уже, дурак, надеяться начал. Ведь к Днепру подходили. Плакать хочется. (...)

23 марта. 21 марта партизаны сожгли три лесопильных завода в районе, при этом убили нескольких немцев. Немедленно последовали репрессии, сотни людей отправлены в ямы. 19-го, по-видимому, по распоряжению какой-то националистической организации, разбежались шущманы в Ровно, Дубно и у нас в Кременце. Ясно, что действует какая-то сильная организация.

Сегодня ночью произведено нападение на дом ландwirта в Бережцах. Сам ландwirt сожжен живьем в погребке, куда спрятались, убиты еще несколько немцев, «начальник» района. (...) Ой, что будет с нами, когда

нашего комиссара угробят? Неудивительно, что силы партизан растут, этому содействуют сами немцы своими постоянными расправами в селах. Ясно, что все уходит в леса. Но какой они при этом «окраски», совсем не ясно.

Увижу ли конец? Свой - скорее всего. Хотел бы только, чтобы мои записки послужили еще одним обвинительным документом против немцев. (...)

7 мая. Ночью убили какого-то заведующего именем за укрывательство еврейки, убили и женщину. Его оставили на улице, ее свезли на еврейское кладбище и бросили там, «чтобы в городе не портила воздух». Факт обыденный. Более необыденное произошло сегодня утром: по пути из Кременца в Луцк убит митрополит украинский Алексей... (...)

8 августа. УРА, ТОВАРИЩИ! Прорыв на Восточном фронте совершен! Я прыгаю от радости. Сообщения последних дней об ожесточенных боях на всем южном фронте выматывали последние нервы. Я понимал, что там прорывают немецкие позиции, где они сосредоточили свои лучшие дивизии СС, куда они бросили своих «тигров», где все вооружены автоматами. Каждый день я спрашивал себя - уже? Ответ был - нет. Сегодня ответ - да, уже! (...)

9 сентября. Через два месяца Красная армия была бы ЗДЕСЬ, и я, наконец, бросил бы вести этот дурацкий дневник. Он мне порядочно надоел. Я решил вести его «от ухода до прихода», и самым счастливым днем моей жизни будет день, когда я смогу написать последние строки: «КОНЕЦ». (...)

11 января 1944 года. Долго не писал, не до того было. Сегодня фронт ровно в ста пятидесяти километрах от нас. Тут проводится эвакуация. Готовлюсь удрать в лес, а дневник сейчас закопаю. Буду счастлив, если придется когда-нибудь его откапывать.

ПРИВЕТ, ТОВАРИЩИ! СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!

Я уже в течение многих месяцев регулярно изо дня в день слушаю Москву и точно информирован обо всем, происходящем на фронте.

Бейте этих гадов до последнего, хотевших уничтожить нашу Родину. Еще никогда за время своего существования Россия не стояла так высоко, как стоит она сейчас.

Но СССР после войны будет стоять еще выше! Дожить бы и увидеть.